

**Аргументация в языковой системе:
между частицами и полифонией
(эссе из области интуитивной эпистемологии)**

Игорь Загар

ЛЮБЛЯНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И ЛЮБЛЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЛОВЕНИЯ

Французский лингвист Освальд Дюкро в настоящее время развивает новую теорию аргументации, получившую название "теория аргументации в языковой системе", которая ставит своей задачей исследование аргументативного потенциала языка. Эта теория призвана продемонстрировать, как различные явления аргументации представлены в самом языке как системе; каким образом на определенных уровнях язык обеспечивает аргументацию сам и в свою пользу; и до какой степени язык в силах самостоятельно наложить ограничения на нашу собственную (диалогическую и интерактивную) аргументацию.

Теория аргументации в языковой системе может быть сведена к трем основным (и независимым между собой) утверждениям:

Аргументативное начало в языке довлеет (или превалирует) над информативным.

Семантическое описание высказывания должно состоять скорее в выяснении его возможных последствий, нежели определении его отношения к "фактам".

С точки зрения аргументативной стороны дискурса, аргумент и следующее из него заключение не могут обнаружить своей собственной значимости без учета зависимости друг от друга.

Попробуем пояснить эти положения несколькими примерами. Предположим, что кто-то говорит нам:

(1) *Сейчас 8 часов.*

Перевод с английского Е. Афонасина.

E-mail автора: igor.zagar@guest.arnes.si

Является ли это высказывание аргументом? Зачем нам говорят, что сейчас 8 часов? Только ли для того, чтобы сообщить нам, сколько сейчас времени? Скорее всего нет, если только мы сами не захотели узнать это. Но предположим, что мы не имели никакого желания знать, сколько сейчас времени, но некто сообщает нам эту информацию. С какой целью он это делает? Очевидно, произнося высказывание (1), наш собеседник желает нам сообщить нечто иное. К каким возможным последствиям и выводам это высказывание ведет? Поскольку мы не знаем возможного контекста¹ то перед нами открывается множество возможностей:

(1) *Сейчас 8 часов* > *Поторопись!*
У тебя есть время.
Включи радио!
Иди чистить зубы!
(и т.п.)

Посмотрим теперь, что произойдет, если мы модифицируем наше высказывание с помощью частиц *уже* и *всего лишь*. Соответственно, получим:

(1а) *Уже 8 часов.*

и

(1б) *Всего лишь 8 часов.*

При прочих равных условиях, из (1а) - в отличие от (1) - мы уже не сможем заключить "У тебя есть время", но разве что "Поторопись". С другой стороны, из (1б) мы не сможем заключить "Поторопись", но ничто не мешает заключению "У тебя есть время." Почему это кажется нам удивительным? Потому что эти три высказывания говорят об одном и том же хронологическом факте, однако первое высказывание допускает разнообразные толкования, в то время как второе подчеркивает представление об опоздании, а третье показывает, что нечто делать слишком рано. Однако как это возможно, если все эти высказывания говорят об одном хронологическом факте и основаны на одном и том же состоянии дел?

Мы видим, что это "одно и то же состояние дел" представлено здесь с разных точек зрения: в одном случае (1а) 8 часов рассматриваются как "поздно", в другом случае (1б) - как "слишком рано". *Различение* внутри *одного и того же* состояния дел достигается введением всего лишь двух различных частиц. Высказывание (1а) ориентирует наши выводы по отношению к "поздно", а высказывание (1б) - по отношению к "рано", независимо от того, на какое именно время оно указывает. Иными словами, аргументативная ориентация на "раньше" или "позже" уже присутствует - или *записана* - в этих двух лексических единицах языковой системы.

¹ Я постараюсь показать, что роль контекста в лингвистическом анализе часто преувеличивается, поскольку основные особенности контекста обычно присутствуют уже в самом высказывании (или даже в предложении как абстрактной языковой структуре): контекст ре-интерпретирует данное высказывание, но высказывание как таковое во многих отношениях само задает контекст.

Поясню это еще одним примером. Предположим, мы встретились со следующим высказыванием-аргументом:

(2) *Джон работал.*

На какой вывод ориентировано это высказывание: положительный (ему удастся сделать то, что он делает), или отрицательный (ему не удастся это сделать²)? Уверен, что каждый предпочтет вывод "ему удастся это сделать", поскольку само слово *работать* предполагает, что некоторые усилия прилагаются или прилагались к чему-либо, а поскольку усилия прилагались, это означает, что лицо, прилагающее усилия (борющееся за нечто), скорее всего преуспеет в своих действиях, нежели наоборот.

Противоположное заключение (ему не удастся это сделать) становится естественным, если мы добавим «но» или «однако», например:

(2а) *Джон работал, но ему не достигнуть успеха.*

Словечко "но" используется для того, чтобы *обратить* наши ожидания и аргументативную ориентацию того, что следует ожидать, базируясь на том, что сказано до этого "но".

Например, в высказывании

(3) *Я очень занят, но я готов принять это предложение*

ожидаемое заключение, если исходить только из первой части фразы (я очень занят), было бы таковым: "поэтому я не смогу выполнить дополнительной работы".

Другой пример. В высказывании

(4) *Павел инженер, но очень плохой*

ожидаемое заключение из утверждения "Павел - инженер" должно было бы звучать примерно так: "Поэтому он знает определенные вещи или может делать определенную работу".³

Следовательно, "но" в примерах типа (2а) в точности означает то, что неуспех в данном случае не есть нормальное течение событий, поскольку действующее лицо работало, т.е. прилагало усилия.

Рассмотрим такие примеры:

(5) *Джон приложил мало усилий*

и

(5а) *Марк приложил немного усилий*

---

² Точное словоупотребление - это скорее вопрос реконструкции аргумента. Иными словами, словоупотребление не является и не может быть точным.

³ И снова: изменение словоупотребления в речи не является принципиальным, тогда как аргументативная ориентация предельно важна.

Из общих соображений каждый согласится [Ducrot, 1996] относительно того, сколько работали Джон и Марк (не очень много). Почти каждый согласится и с тем, что Марк работал несколько больше (например, 2 часа), нежели Джон (который работал, скажем, только 1 час). Разумеется, практически невозможно определить объективно и непротиворечиво, насколько больше Джона работал Марк, иными словами, насколько "мало" меньше, чем "немного", и тем не менее высказывания (5а) и (5б) допускают выводы, которые аргументативно ориентированы в противоположных направлениях.

Именно:

(5) *Джон приложил мало усилий. Следовательно, он не достигнет успеха.*

(5а) *Марк приложил немного усилий. Следовательно, он достигнет успеха.*

С точки зрения информативности - с точки зрения «фактов» или того, как обстоят дела в мире, важно, что язык использует "мало" и "немного" как понятия, обозначающие небольшое количество. Между этими понятиями может быть количественное различие, но тем не менее оба они означают небольшое количество чего-либо. С аргументативной же точки зрения, напротив, язык помещает "мало" в ту же категорию, что и "нисколько", "совсем ничего", а "немного" -- в ту же категорию, что и "много".

Итак, "мало" аргументативно ориентировано в том же направлении, что и "нисколько", "совсем ничего":

(6) *Джон не прилагал усилий. Следовательно, он не достигнет успеха.*

Напротив, "немного" аргументативно ориентировано в том же направлении, что и "много":

(6а) *Марк приложил много усилий. Следовательно, он достигнет успеха.*

Модифицируем слово *работать*, т.е. *прилагать усилия*, еще и таким способом:

(7) *Джон работал в течение часа.*

В каком направлении аргументативно ориентировано это высказывание? Если мы не знаем контекста (например, сколько времени нужно, чтобы выполнить данную работу), и негативное, и позитивное заключения возможны в равной мере:

(7) *Джон работал в течение часа. Следовательно он достигнет успеха*
Следовательно, он не достигнет успеха

Однако, если мы встретимся с аргументативным указателем, таким как

(7а) *Джон работал в течение часа, но он не добьется успеха,*

то независимо от контекста или эмпирических данных, мы из самого употребления частицы "но" немедленно поймем, что обычно, при нормальном стечении обстоятельств, часа работы *достаточно* для того, чтобы достигнуть успеха в деле такого рода. "Но" говорит нам здесь, что мы имеем дело не с нормальным стечением обстоятельств, говорит о том, что что-то изменилось и нужны иные критерии оценки.

Модифицируем слово *работать* еще раз. Если высказывание (7) является, в некотором смысле, нейтральным примером, позволяющем делать противоположные заключения, то что мы можем сказать о таких примерах:

(8) Джон работал только час.

(9) Джон работал почти час.

Мы по прежнему говорим о тех же фактах (один час), но язык, благодаря частицам *только* и *почти*, представляет эти факты - в одном случае, недостаточными:

(8) Джон работал только час. Следовательно он не преуспеет.

В другом случае - достаточными:

(9) Джон работал почти час. Следовательно он преуспеет.

Отметим еще раз, что заключение следует не из констатации количества работы Джона в том или ином случае. Заключение позволяет сделать сам язык, специфическое словоупотребление. Джон мог бы работать в течение четырех или восьми часов (времени, достаточного при нормальном стечении обстоятельств для работы, которую он выполняет), но если в нашей фразе стоит частица "только", заключение в любом случае может быть лишь отрицательным (он не преуспеет). Напротив, "почти" ориентирует заключение в позитивном направлении, независимо от фактов. Более того, "почти X" само формирует информативную, или фактуальную точку зрения, означая "пока не X", "еще не вполне X", и описывает тем самым количество меньшее чем "только X" (которое означает "именно X"). И все таки, это *фактически меньшее количество* (почти час) аргументативно указывает на большее количество работы, нежели *фактически большее количество* "только час".

Для того, чтобы показать, насколько велика роль языковых частиц, рассмотрим еще несколько примеров. Сравните:

(10) Бутылка уже наполовину пуста.

(11) Бутылка еще наполовину полна.

Оба предложения описывают то же самое состояние дел, тот же факт, потому что "быть наполовину пустым" -- это то же самое, что и "быть наполовину полным", т.е. указывают на то же самое количество содержимого в бутылке. Таким образом, факты, которые описывают, или, говоря более корректно, на которые указывают (10) и (11), одинаковы. Однако представлены они *с разных точек зрения* - и смысл этих высказываний состоит отнюдь не просто в

том, чтобы сообщить нам некоторые факты (сколько именно жидкости в бутылке), но в том, чтобы сообщить нечто другое. Именно, несмотря на то, что оба высказывания описывают один и тот факт, *аргументируют* они в противоположных направлениях:

(10) Бутылка уже наполовину пуста. Следовательно, не мешает еще одна.

(11) Бутылка еще наполовину полна. Значит, другой пока не нужно.

Частицы "уже" и "еще" делают такие заключения необходимыми: если мы говорим, что бутылка "уже наполовину пуста", мы сожалеем о том, что скоро она станет совсем пустой, поэтому маловероятно, что вывод будет "нам пока другой не требуется". Описывая бутылку как "еще наполовину полную", мы едва ли можем вывести из этого аргумента заключение "нам нужно еще одну".

Частицы способны и на большее. Они способны контекстуализировать некоторые, по видимости, деконтекстуализированные примеры и придавать им базовый контекст. Если нечто "уже наполовину пусто" или "еще наполовину полное", то речь, очевидно, идет об опорожнении чего-то. Но если мы поменяем "уже" и "еще" местами, то получим:

(10a) Бутылка еще наполовину пуста.

(11a) Бутылка уже наполовину полна.

В этом случае речь, очевидно, идет о наполнении чего-то. Какого рода опустошение и наполнение имеется в виду, и каковы детали этих действий, - все это едва ли является существенным для лингвистического анализа. Такого контекста вполне достаточно.

И это опять-таки не все, на что способны языковые частицы. *Ceteris paribus*, они могут в буквальном смысле структурировать и оформлять аргумент. Предположим, что в жаркий летний день некто приглашает вас прогуляться. Вы устали и говорите:

(12) Тепло, однако я устал.

Очевидно, что вы тем самым отказываетесь от прогулки. Предположим, вы отвечаете несколько иначе:

(13) Я устал. Но сейчас тепло.

Ситуация та же самая, как и в предыдущем высказывании, по-прежнему тепло и вы устали, но на этот раз сказанная вами фраза звучит скорее как согласие. Все зависит от того, куда вы поместите частицу "но" и от того, что предшествует этой частице и что следует за ней. Вывод последует в любом случае из высказывания, следующего за "но", а не из предыдущего. Иными словами, в одном и том же предложении возможны различные аргументативные ориентации. Какими же средствами мы можем их анализировать?

Именно для этих целей Дюкро вводит термин *полифония*, заимствованный у Бахтина, и обобщает его до уровня языковой системы как целого. Как известно, Бахтин проводит различие между диалогизмом и полифонией. Последняя, как он пишет в работе "Марксизм и философия языка", есть явление, резко и существенно отличное от диалога. В диалоге реплики грамматически разобщены и не инкорпорированы в единый контекст» [Волошинов (Бахтин), 1993. С. 126]. Следовательно, в диалог вовлечены два или более участника, в то время как полифония является монологической структурой. Образцы полифонических структур (высказываний) Бахтин находил в романах, и в своей книге о Достоевском автор развил ныне общеизвестное определение полифонии:

«Автор может использовать чужое слово для своих целей и тем путем, что он вкладывает новую смысловую направленность в слово, уже имеющее свою собственную направленность и сохраняющее ее. При этом такое слово, по заданию, должно ощущаться как чужое. В одном слове оказываются две смысловые направленности, два голоса» [Бахтин, 1994. С.404].

Таким образом, полифоническая конструкция, согласно Бахтину, принадлежит одному говорящему, но в действительности содержит в себе "два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора" [Бахтин, 1975. С.118].

Исследование полифонии связано у Бахтина в основном с проблемой романа, в то время как Дюкро соотнес это явление с языком как таковым, с языком как системой.

Что же такое полифония в смысле Дюкро?

Дюкро полагает, что "говорящий", в том смысле, как его понимает традиционная лингвистика, является на самом деле очень сложным (и запутанным) понятием, которое объединяет в себя несколько совершенно различных идей. Поэтому он предлагает различать между собственно *автором* (producer) высказывания, *ответственным* за высказывание, или *локутором* (locutor), и собственно *высказывающимся*, или "произносящим" высказывание (utterer).

Автор высказывания своей деятельностью формирует само высказывание. Иными словами, автор -- это тот, кто осуществляет умственную деятельность, необходимую для формирования высказывания. Это утверждение представляется вполне очевидным, однако в некоторых случаях ситуация может оказаться весьма неоднозначной. Представьте себе, что вы ученик в школе (я позаимствовал этот пример у Дюкро [Ducrot, 1996]). Допустим, что школа организует туристический поход, и для того, чтобы вам принять в нем участие, требуется разрешение ваших родителей. Учитель дает вам документ, который должен подписать один из ваших родителей. Этот документ представляет собой заявление типа: "Я разрешаю моему сыну (дочери) принять участие в экскурсии", и место для подписи внизу. Вы отдаете этот документ своим родителям с тем, чтобы кто-нибудь из них поставил свою подпись в обозначенном месте. Кто является автором этого документа? Родитель, подписавший его, учитель, который дал его вам, секретарь, напечатавший его или, может быть, администрация школы? Трудно сказать. Именно поэтому нам необходимы понятия локутора и произносящего.

Локутором будет тот, кто ответственен за высказывание, то есть тот, кто несет ответственность за высказанное в силу самого высказывания или, по крайней мере, ответственен за акт произнесения высказывания.

В нашем случае со школьником и его родителями проблемы нет. Само высказывание содержит в себе местоимение "Я", явственно указывающее на локутора, то есть на того, кто подписал данный документ. Но что если высказывание не содержит явного указания, подобного личному местоимению? Можем ли мы в этом случае считать локутора ответственным в полном объеме за содержание высказывания? Следует ли все сказанное (и подразумеваемое) в высказывании рассматривать как его точку зрения?

Именно здесь нам понадобится представление о произносящих высказывание голосах, или высказывающихся (*utterers*)⁴. Согласно Дюкро, в каждом высказывании могут встретиться несколько *высказывающихся*, иначе говоря, в одном высказывании могут содержаться несколько различных точек зрения. Позиция Дюкро в действительности даже более радикальна. Он полагает, что любое высказывание может при анализе открыть по крайней мере две высказывающие позиции.

Рассмотрим такой пример:

(14) *Этот забор не красный.*

Локутор в этом высказывании являет две позиции. Именно:

- первая позиция (П1) утверждает, что забор красный;
- вторая позиция (П2) отрицает предыдущую.

При этом сам локутор, то есть тот, кто ответственен за высказывание, присоединяется к П2.

Что делает такой анализ возможным и позволяет нам различать несколько высказывающих позиций в одном высказывании? В нашем примере -- это тот факт, что не существует таких заборов, которые были бы "не красными", "не желтыми" или "не коричневыми". Разумеется, забор может быть описан как не красный, не желтый или не коричневый, но это описание не даст нам никакого представления о действительном цвете забора. Значит, если некто говорит, что "X не есть ...", он несомненно выражает свое несогласие с кем-то, утверждающим противоположное, именно, что "X есть ..." (последнее утверждение также может быть полифоничным: говорящий, что "Забор красный", может возражать кому-либо, это отрицающему).

Но, вероятно, вы найдете такой аргумент слишком онтологическим, поэтому приведем чисто филологический пример, анафору. Дюкро [1996] полагает (и с этим мы уже не можем согласиться), что явление анафоры без привлечения полифонического анализа зачастую понять очень трудно.

Предположим, некто говорит: "Джон не придет," добавляя: "... и я сожалею об этом, поскольку это было бы неплохо." Во второй части высказывания имеются два анафорических местоимения: "я сожалею *об этом*" и "*это* было бы хорошо". Очевидно, что местоимение *это* в двух этих случаях указывает

⁴ Термин, который использует сам Дюкро и представители его школы во Франции, звучит как *enonciateur(s)*. Нам представляется, что «высказывающийся» (*utterer*) может быть лучшим переводом, чем «кизлагающий» (*enunciator*). Мы *излагаем* нечто по весьма формальным и торжественным поводам, тогда как мы *высказываемся* о чем угодно и постоянно - в ежедневном общении. И именно в последнем смысле термин *enonciateur* используется в телрии Дюкро.

на разные вещи. В фразе "я сожалею об этом" оно указывает на "Джон не придет". Во втором случае *это* указывает на предыдущее состояние дел: было бы хорошо, если бы Джон пришел.

Другой пример, на сей раз из области философии языка. Несколько лет назад я предложил анализ явных перформативов в терминах полифонического анализа [Загар, 1991а]. Именно, я утверждал, что высказывания типа

(15) *Я обещаю*

являются предельно странными. Разумеется, вы можете возразить, что это высказывание приводится здесь вне контекста, поэтому рассмотрим его в одной из возможных "контекстуализированных" форм:

(15а) *Я обещаю прийти.*

К сожалению, и в этом случае высказывание выглядит несколько странно. Трудно представить себе человека, произносящего это высказывание просто так, ни с того, ни с чего. Вы снова можете возразить, что это высказывание в данном случае также находится вне контекста, и что локутор в действительности отвечает в нем на такой, например, вопрос:

(16) *Ты придешь?*

Хорошо, у нас теперь есть непосредственный контекст, однако такие диалогические связи, как

(17) А: *Ты придешь?*
Б: *Я обещаю прийти.*

по-прежнему составляют проблему.

Такой диалог, наверное, может произойти в греческой трагедии, но не в обычном разговоре. Что-то здесь не вполне нормально: тут слишком много информации, или, напротив, чего-то не явно недостает.

Наиболее естественным ответом на вопрос (16), если мы остаемся в "позитивном" регистре, будет или:

(18) *Да.*

или

(15б) *Я приду.*

Однако сомнительно, чтобы ответом было высказывание (15а). Если мы, тем не менее, отвечаем именно так, то это является указанием на некоторую добавочную информацию, которая отсутствует. Сравним следующие два фрагмента диалога:

I	II
(17') А: <i>Ты придешь?</i>	(17) А: <i>Ты придешь?</i>

В: *Я приду.*

В: *Я обещаю прийти.*

В чем состоит различие между этими диалогами? В первом случае Б дает прямой ответ на вопрос А, подтверждая, что он придет. Во втором случае Б не дает прямого ответа на вопрос А, но дает ему обещание, в торжественной форме обязывая себя прийти. Что это может означать?

Если присмотреться к ответу Б во втором из наших диалогов, то мы увидим, что Б вообще не отвечает на вопрос А. Ведь А не просил Б пообещать, что тот придет, но всего лишь спросил, придет ли Б. Это значит, что Б в действительности отвечает на некий другой (предыдущий) вопрос, отсутствующий в этом фрагменте разговора, но который *интерпретативно предполагается* самой формой словоупотребления перформативного префикса.

"Базовая структура" диалога, следовательно, должна быть скорее полилогичной, нежели диалогичной. Например:

- (17")
- А: *Мы устраиваем розыгрыш завтра вечером. Ты придешь?*
 Б: *Да, конечно.*
 В: *Это невероятно! Не могу поверить, что ты придешь!*
 Б: *Я обещаю, что приду.*

Разумеется, точки зрения различных участников диалога, как я их представил, не следует считать реальными высказываниями. Это всего лишь одна из возможных реконструкций контекста. Следовательно, точкам зрения этих мнимых участников не следует приписывать такой же статус, как и исходному высказыванию, с которого мы начали наш анализ, поскольку они не что иное как продукты того же анализа, а значит имеют сугубо умозрительный статус. Точки зрения отдельных участников следует представлять скорее в форме *отношений, позиций или ориентаций*. Такой анализ примера (17б) позволяет выделить одного локутора и по крайней мере три высказывающих позиции:

П1 представляет некий факт Ф (розыгрыш завтра вечером) и облекает сообщение этого факта в форму приглашения;

П2 распознает сообщение П1 и принимает приглашение;

П3 сомневается в искренности П2 и как следствие представляет согласие П2 как сомнительное;

П2а возражает П3 и повторяет обещание в торжественной форме.

Один из самых известных примеров Дюкро -- прагматика использования французского слова *toujours* [Cadiot, Ducrot, Nguyen & Vicher, 1985].

Рассмотрим такой аргумент:

- (12) *Allons au bistro. On y sera toujours au chaud.*
 (*Давай зайдём в бистро. По крайней мере там всегда тепло*).

Здесь различимы, согласно Дюкро, по крайней мере пять высказывающих позиций:

П1 сообщает факт Ф, в нашем случае свойство С (тепло) некоего объекта (бистро), представляя это свойство как достоинство объекта О;

П2 использует это позитивное качество как аргумент, достаточный для вывода В (давай зайдем в бистро);

П3 указывает на свойство С как весьма слабое утешение;

П4 отмечает, что в силу своей слабости аргументативная ценность факта Ф сводится на нет, и тем самым отрицает мнение П2;

П5, с другой стороны, полагает, что свойство С, хотя и слабое, но все же утешение (слабое утешение, но все-таки нечто), отвергая таким образом мнение П4.

Итак, мы остаемся с одной частицей, пятью высказывающими позициями и фундаментальным вопросом: имеется ли предел количеству позиций, которые мы можем выделить в рамках одного аргумента? Дюкро отвечает: в принципе, нет. Количество таких позиций может быть каким угодно. Мне кажется, однако, что нам следует быть более аккуратными в нашем анализе, и не умножать количество позиций более, нежели это необходимо для самого анализа. В данном примере я не вижу, в частности, резона для разделения позиций П3 и П4. Такое различие слишком гипотетично: оно не подкреплено данными, поскольку использование частицы *toujours* указывает только на то, что аргумент слаб (поддерживая тем самым точку зрения П3), но никак не указывает на то, что аргумент слишком слаб до такой степени, что утрачивает всякую силу. Иными словами, если принимать полифонический анализ всерьез (а мы видели, что он может быть по крайней мере полезным аналитическим средством), то необходимо по возможности строго придерживаться *эмпирических данных*, а не своих *предположений*.

Наконец, вернемся еще раз к примеру (12) - к фразе, отвечающей (и отказывающей) на приглашение пройтись:

(12) *Тепло* (аргумент), *однако я устал* (заключение).

Дюкро [1996] выделяет здесь по крайней мере четыре высказывающих позиции: П1 и П2 относятся к "*тепло*", а П3 и П4 -- к "*я устал*". П1 описывает погоду, говоря: "*Тепло*". Это утверждение (учитывая, что некто предложил прогуляться) является аргументом в пользу прогулки. Таким образом П1 подкрепляет свой аргумент топосом, наподобие:

Т1 *Чем теплее, тем приятнее будет прогуляться*⁵

Затем появляется второй участник П2, который, на основании высказывания П1, соглашается на прогулку. Однако П3, чей голос слышится в "*Я устал*", напротив, поддерживает свой аргумент топосом типа:

Т2 *Чем хуже физическое самочувствие, тем меньше удовольствия в прогулках*.

Таким образом, обосновывая высказыванием "*Я устал*" свое нежелание идти на прогулку, говорящий привлекает физическое самочувствие как свой-

---

⁵ К сожалению, объем статьи не позволяет обсуждать здесь детали различия между полифонией и топосами. Подробнее об этом: Ducrot (1996) и Zagar (1995).

ство, которое делает прогулку неприятной. Наконец, имеется некто П4, который на основании позиции П3 заключает, что никуда идти не стоит.

В одной из своих работ [1997] я подверг этот анализ критике, указав на то, что если П2 заключает нечто из позиции П1, а П4 -- из позиции П3, то зачем нам вообще нужны П2 и П4? Для получения требуемого мы вполне можем обойтись без их участия.

Таким образом, принимая полифонический анализ всерьез, мы не должны забывать: отдельные голоса ни в коем случае не являются конкретными лицами, которые могут слушать друг друга и самостоятельно делать выводы. *Различные голоса являются всего лишь различными высказывающими позициями, точками зрения, выделяемыми внутри одного аргумента.* Они не являются реальными сущностями, но всего лишь умозрительными (и аналитическими) конструкциями, помогающими нам реконструировать ход аргументации. С этой точки зрения, если мы хотим вычислить все мнения внутри одного аргумента, П2 и П4 нам также не нужны.

Литература

- Бахтин М. Слово в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 72-233.
- Бахтин М. Проблемы творчества / поэтики Достоевского. Киев, 1994.
- Волошинов В.Н (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка. М., 1993.
- Anscombe J.-C. and Ducrot O. L'Argumentation dans la langue. Brussels: Mardaga, 1983.
- Cadiot A., Ducrot O., Nguyen T-B. & Vicher A. Sous un mot, une controverse: Les emplois pragmatiques de "Toujours". Modeles linguistiques VII/2. 1985.
- Ducrot O. Dire et ne pas dire. Paris: Herman, 1972.
- Ducrot O. La preuve et le dire. Paris: Mame, 1973.
- Ducrot O. Structuralisme, énonciation et sémantique. Poétique 33. 1978.
- Ducrot O. Les échelles argumentatives. Paris: Minuit, 1980.
- Ducrot O. Note sur l'argumentation et l'acte d'argumenter. Cahiers de linguistique française 4. 1982.
- Ducrot O. Opérateurs argumentatifs et visée argumentative. Cahiers de linguistique française 5. 1983.
- Ducrot O. Le dire et le dit. Paris: Minuit, 1984.
- Ducrot O. Peut-on séparer sémantique et pragmatique. Manuscript. 1992.
- Ducrot O. Slovenian lectures/Conferences slovenes. Ljubljana: ISH, 1996.
- Ducrot O. et al. Les mots du discours. Paris: Minuit, 1980.
- Van Eemeren F.H, Grootendorst R, and Kruiger T. The study of argumentation. New York: Irvington Publishers, Inc., 1984.
- Moeschler J. Argumentation et conversation. Elément pour une analyse pragmatique du discours. Paris: Hatier-Credif, 1985.
- Toulmin S. The uses of argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Zagar I. Z. How to Do Things with Words - The Polyphonic Way. In Zagar, I.Z. (ed.). Speech Acts: Fiction or Reality. Ljubljana: Institute for Social Sciences. 1991(a).
- Zagar I. Z. Argumentacija v jeziku proti argumentaciji z jezikom. Anthropos, III/IV. 1991(b).

- Zagar I. Z. O polifoniji, argumentativnem prizakovanju in njegovem sprevašanju. Časopis za kritiko znanosti 140/141. 1992.
- Zagar I. Z. Argumentation in language and the Slovenian connective *pa*. Antwerp: Antwerp Papers in Linguistics 84. 1995.
- Zagar I. Z. From reported speech to polyphony, from Bakhtin to Ducrot. In Bakhtin and the Humanities, Proceedings of the International Conference, October 19-21, 1995. Ljubljana: ZIFF, 1997.